

ГОВАРД Л.
БЛЭКМОР

ОХОТНИЧЬЕ
ОРУЖИЕ

ОТ СРЕДНИХ

ВЕКОВ

ДО ДВАДЦАТОГО

СТОЛЕТИЯ

Говард Блэкмор

**Охотничье оружие. От Средних
веков до двадцатого столетия**

«Центрполиграф»

УДК 903.12
ББК 63.3(0)

Блэкмор Г. Л.

Охотничье оружие. От Средних веков до двадцатого столетия /
Г. Л. Блэкмор — «Центрполиграф»,

ISBN 5-9524-2350-7

В книге представлен широкий перечень охотничьего оружия от копья римского охотника и средневековых стрел, использовавшихся во время охоты на дикого вепря, до применявшегося китобоями гарпунного ружья и винтовок Винчестера. Детально описаны все виды охотничьих сабель, ножей, штыков, луков, арбалетов, ружей и другого оружия от Средневековья до двадцатого столетия. Это исследование будет интересно всем, кто хочет больше узнать об орудиях охоты и о способах их применения. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 903.12

ББК 63.3(0)

ISBN 5-9524-2350-7

© Блэкмор Г. Л.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	7
Введение	9
Глава 1	17
Большой охотничий меч	19
Мечи для охоты на кабанов	23
Короткие мечи	28
Кинжалы	31
Сабли с календарями	35
Комбинированные мечи	36
Отделка мечей	37
Английский кинжал	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Говард Л. Блэкмор Охотничье оружие. От Средних веков до двадцатого столетия

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2022

*Моему отцу Дудли Блэкмору (1879–1941), любившему сельские
красоты*

Предисловие

В настоящей книге, предназначенной для коллекционеров, я попытался описать все известное мне оружие, использовавшееся на охоте, включая и те разновидности, которые военные историки обычно относят к этнографическим. Описывая, например, арбалеты, невозможно не упомянуть веерный арбалет – основное метательное оружие аборигенов. Оно требует такого же внимания, как и испанский дротик. Если в Англию привезли рогатку, то почему не следует писать о ее использовании и в других странах? К сожалению, до сих пор охотничье оружие пользовалось явно недостаточным вниманием исследователей и собирателей.

В 1890 г. барон де Коссон с горечью писал во введении к своей книге «Старинное охотничье оружие в Гросвенорской галерее», что «в истории древнего оружия нет другой области, к которой бы относились с таким пренебрежением, как к охотничьему оружию. Ни в одной европейской коллекции охотничье оружие не выделено в особый раздел».

Практически ничего не говорят об охотничьем оружии и специалисты по истории оружия и доспехов: В. Бохейм, А. Деммин и В. Диллон. Их интересуют только коллекции, а также искусно отделанные мечи, сабли, арбалеты и ружья, но не скромные палаши и кинжалы.

Первой книгой, специально посвященной охотничьему оружию, стал «Каталог европейских придворных мечей и охотничьих сабель» Б. Дина, вышедший в 1929 г. В нем много полезной информации, хотя автора прежде всего интересует великолепная отделка охотничьих мечей, а не их применение на охоте.

В 1937 г. П. Каррингтон-Пирс опубликовал небольшой «Справочник по придворному и охотничьему оружию». Написав книгу в то время, когда преобладали «небольшие дома с малочисленной прислугой», он отмечает, что сабли «по-прежнему покупались за ту ничтожную цену, которую могли позволить себе многочисленные собиратели древностей, неохотно отсчитывавшие каждую десятифунтовую купюру».

Спустя тридцать лет после того, как было сделано это заявление, охотничий палаш по-прежнему можно было купить за гроши уже из-за причуд антикварного рынка. В том же 1937 г., когда П. Каррингтон-Пирс опубликовал свою книгу, в Берлине состоялась Всемирная охотничья выставка, способствовавшая развитию интереса к данному виду оружия. В полной мере эффект от ее проведения проявился лишь после войны, когда практически в каждой стране начали создаваться охотничьи музеи. Начали выходить и книги, посвященные охоте и охотничьему оружию. Правда, в большинстве из них давалась история огнестрельного оружия или описывались спортивные или художественно отделанные ружья.

Конечно, тема требовала разработки, поскольку в сотнях книг XVI и XVII вв. подробно описаны способы и обычаи проведения охоты, порядок обучения и ухода за гончими, но почти нет сведений об оружии, например весе и длине копья или форме эфеса сабли. Что же касается красивых гравюр и ксилографий, иллюстрирующих эти книги, то художники чаще всего дают настолько схематичные изображения мечей или копий, что они не могут служить источником каких-либо сведений.

Пытаясь описать все разновидности существовавшего охотничьего оружия, невольно задумываешься над тем, как разместить все сведения в одном томе, ибо необходимо описать все оружие, начиная от каменного топора и деревянного копья до револьвера и ракеты. Поэтому в начале каждого раздела приходится давать краткий исторический экскурс, уповая на то, что читатель уже частично знаком с предметом разговора.

Перечислив главные трудности, которые пришлось преодолеть при написании этой книги, автор приносит извинения за вынужденную краткость и фрагментарность изложения. Кроме того, я должен поблагодарить своих друзей и многочисленных коллег, помогавших мне

в розысках необходимых материалов для написания моего труда и подборе иллюстраций, которые читатель увидит в этой книге.

Введение

Традиционный взгляд на охоту отражен в песенке из книги «Синегетика» (Лондон, 1788):

Охота – древний, благороднейший досуг,
Равно доступный для господ и слуг.
Он упражняет глаз и дарит телу силу,
И лорду старому он отдаст могилу.

Конечно, человек начал охотиться ради пропитания, но уже в более поздние времена охота стала частью общественной жизни и формой досуга. Она помогала удовлетворить кровожадные военные инстинкты без человеческих жертв и кровопролития. Это был и спорт, и развлечение.

Охота считалась таким же укрепляющим тело и дух делом, как военная служба. У. Сомервилль пишет об этом: «Для великих героев Античности охота была не только забавой. Охотясь, они тренировались перед будущими военными действиями, их поединки с дикими зверями были прологом их будущих побед. Ксенофонт замечает, что почти все древние герои – Нестор, Тесей, Кастор, Полидевк, Одиссей, Диомед, Ахилл – были заядлыми охотниками».

В Средневековье охота стала тем главным событием, вокруг которого вращалась вся жизнь и небольшой деревни, и старинной усадьбы, и королевских дворов. Весной и летом охотились на оленей, осенью травили зайцев, зимой выслеживали кабанов. У каждой охоты были четко разработанные правила и нормы этикета. Егеря и лесничие выслеживали животных, устанавливали их убежища, составляли маршруты их передвижения, по помету определяли возраст и состояние будущей добычи. В практических руководствах, посвященных охоте, давались советы, как читать эти знаки, чтобы определить время для удачного гона. Помет торжественно приносили на охотничий завтрак, где определялись планы предстоящей днем охоты. В течение дня охотники могли затравить несколько десятков зверей, а сама охота могла продолжаться несколько дней.

Особыми ритуалами обставлялась разделка туши. У животных торжественно вырезались гениталии¹, у птиц изымалась считавшаяся целебной «срединная косточка». Как и олени рога, они считались самыми драгоценными трофеями, становились предметом специальных изысканий и часто изображались художниками. В насчитывающей более сотни листов серии охотничьих гравюр И.Э. Ридингера (1698–1767) запечатлено немало причудливых оленьих рогов.

Огромные собрания подобных трофеев скопились в охотничьих замках. Эрцгерцог Фредерик Саксонский отдал группу гренадеров за голову оленя, застреленного первым королем Пруссии в 1696 г. В рогах этого оленя было шестьдесят шесть зубцов.

Большинство европейских правителей считали охоту делом чести. Император Максимилиан I попытался увековечить собственные подвиги, опубликовав их иллюстрированное описание в *Theuerdank* и *Weisskunig* (рис. 4). Генрих VIII, пытавшийся состязаться с императором по многим вопросам, оказался и страстным охотником. В августе 1520 г. его секретарь Р. Пейс писал Уолси: «Обычно, кроме праздничных дней, король встает рано, в 4 или 5 часов, и охотится до 9 или 10 часов вечера. Искусство охоты он превратил в настоящее мучение всех, кто его окружает».

¹ Об их пользе говорится в книге Блума «Отдых джентльмена»: «...Его гениталии омываются водами, сии воды выпиваются, тотчас принося облегчение и исцеление, прекращается истекание мочи и другие болезни. Таков благородный афродизиак, используемый для данной цели».

Очевидно, что из-за подобных пристрастий сильно страдали не только придворные, но и сельские угодья. Деревенским жителям приходилось молча страдать от серьезных опустошений, производимых во время королевской охоты. Одним из фанатичных охотников считался король Яков I. Однажды он страшно рассердился, поскольку похитили его любимую гончую по кличке Джоулер. На следующий день собака вернулась с прикрепленной к ошейнику запиской: «Досточтимый сэр Джоулер, мы просим Вас поговорить с его величеством, ибо Вы видите его каждый день, а нас он не может услышать, и убедить его величество вернуться обратно в Лондон, чтобы не подвергнуть свою страну полному разорению».

Нам известно, что король не обладал чувством юмора или сочувствием к простым людям и продолжал охотиться со своими гончими. Однако к 1607 г. его страсть начала потихоньку угасать, и сэр Джордж Чеворт отметил, что «его величество уже не так одержим своей страстью, чтобы предаваться ей в любую погоду, – хотя в погожие дни он по-прежнему стремится проводить как можно больше времени в поле, в холодные или дождливые дни предпочитает оставаться дома».

В то время в Европе охота считалась в первую очередь развлечением, в котором не было места для риска или физических трудностей. Организация охоты становилась все более и более утонченной, князья старались превзойти друг друга во всевозможных развлечениях и причудах. Удобно расположившись в специально построенных беседках и галереях, они уничтожали сотни оленей, кабанов и множество разнообразной дичи, которую к ним подгоняли загонщики. Отчасти такому отношению способствовало и широкое распространение огнестрельного оружия.

Следуя этой общепринятой моде, И. Солер, автор «Полной истории охоты в Мадриде» (1795), прежде всего превозносил достоинства охоты, очищающей ум и укрепляющей тело, вскользь упомянув о сопровождавших ее трудностях: «Участие в охоте является самым приятным, полезным и забавным способом отдыха, потому что она будоражит сознание и заставляет забыть обо всех заботах и жизненных невзгодах, укрепляет тело и способствует развитию ловкости, вызывая при этом небольшую усталость».

Однако в Англии в начале XX в. продолжало доминировать спартанское отношение к охоте как к спорту, в котором не было места роскоши. Отсутствие удобств и физическое напряжение считались неотъемлемой составляющей преследования дичи. Охотник должен был находить удовольствие в том, что он мог охотиться в любую погоду, независимо от результата.

Ружейные охотники, такие как полковник П. Хокер (1786–1853), были привычны к зимним ночам на болотах, они могли промокнуть и продрогнуть до костей ради единственного выстрела по дичи на утренней тяге.

В своем дневнике 1820 г. Хокер сообщает в записи от 15 января, что «нынче ночью два человека замерзли до смерти в своих плоскодонках». Ничтоже сумняшеся он подготовил свою лодку к 28-му числу и просидел в ней «с 7 часов вечера до 7 часов утра... так и не сделав ни одного выстрела. Никогда более мне не приходилось попадать в такой переплет».

Охотникам и писателям викторианского периода² нравилось говорить о физических трудностях и опасностях, подстерегавших каждого, кто отправлялся на охоту, правда неизменно подшучивая над собой. Так, Г. Камминг, приобретший известность после публикации своей книги «Пять лет жизни охотника в далеких просторах Южной Африки», заявлял своим читателям, что превосходным охотником на львов может стать лишь тот, кто «не боится смерти, обладает особой выдержкой и самообладанием, хорошо изучил привычки и места обитания львов, неплохо разбирается в охотничьем оружии».

Другой известный охотник, Х.А. Ливсон, писал под псевдонимом Старый Шекари. Страдая, как и Хокер, от военных ран, Ливсон продолжал вести активный образ жизни и охотился

² Период правления королевы Виктории.

по всему миру. Его рассказы, написанные как роман, необычайно увлекательны, временами волосы шевелятся от страха и перехватывает дыхание.

В книге «Охота в разных странах» (1877) Ливсон, например, выступает в основном как типичный охотник, «привыкший к смерти, которая подстерегает его в любой момент, но он готов встретиться с ней лицом к лицу». Правда, весь эффект пропадает от описания последующих событий. Рассказывается, как Ливсон вместе со своим компаньоном основательно подкрепляется за завтраком (приводится полный перечень съеденного).

Захватив с собой несколько жестянок с паштетом из утиной печени (фуа-гра) «на тот случай, когда они не смогут в достаточном количестве достать еды во время путешествия», они, к счастью, находят удобное пристанище. Здесь они получают прекрасный обед и встречают красотку, которая «очарована его прекрасным спутником». Но все кончается хорошо: натянув лосины и вооружившись своим драгоценным карабином Уитфорта, Ливсон убивает все живое в радиусе 300 ярдов.

Восхищенный прекрасно организованными охотничьими экспедициями, Т. Рузвельт во вступлении к книге Бейли-Громана «Мастер охоты» (1904) писал, порицая тех, кто не «требует от охотника ни физического, ни духовного напряжения»: «В свое время подобное отношение оказывалось вполне возможным, однако сегодня считается совершенно неприемлемым. Отсутствие трудностей и лишений превращает охоту в приятное времяпрепровождение в автомобиле, палатке или вагончике. Выстрелы в заранее подготовленную дичь в специальные дни сопровождаются изысканным угощением из всевозможных лакомств, привезенных в специальных фургонах или с помощью мулов. Сама же охота не требует никаких усилий от ее участников, представляя плохую пародию на суровую охотничью жизнь, когда мужчина был вынужден полагаться только на свою выносливость, зоркий глаз и необычайную выдержку. Только они становились залогом его безопасности и помогали выжить в поединке с дикой природой».

Храбрость и самоотверженность, честное соперничество подменялись жаждой крови и ничем не оправданной жестокостью. Первыми такие качества стали проявлять римляне: сражавшиеся с животными люди и животные с животными должны были добивать друг друга на арене, окруженной орущей толпой.

В XVI в. возродили подобную искусственную разновидность охоты. В Англии она проявилась в виде преследования быков и медведей. Иоганн-Георг I, эрцгерцог Саксонский, был заядлым приверженцем аренных боев, используя для этой цели в качестве сцены большой открытый рынок в Дрездене. Именно сюда привозили зубров из диких лесов Польши и выставляли их против медведей, кабаны сражались с волками и оленями.

Сам эрцгерцог иногда также выходил на арену, чтобы пронзить животное своим копьём. Похожие придворные развлечения достигли своей кульминации в отвратительном развлечении по подбрасыванию лис. Оно происходило следующим образом: два человека, стоявшие друг от друга на расстоянии 20 или 25 футов, удерживали концы широкой тесьмы или веревки. Натянутая средняя часть лежала на земле. Как только испуганное животное прогонялось через арену, державшие канат натягивали концы, подбрасывая животное в воздух. Поверхность арены специально покрывалась опилками или песком, чтобы искалеченное животное не сразу умерло.

Использовали также и смешанные пары животных, стравливая которых удовлетворяли жажду к жестоким развлечениям. В Дрездене во времена герцога Саксонии Августа Сильного (1694–1733) ради потехи однажды подбросили и предали смерти 687 лис, 533 зайца, 34 барсука и 21 дикого кота. В конце 34 молодых борова и 3 волка были помещены в загородку «к великому удовольствию кавалеров и ужасу благородных дам, которым дикие кабаны повредили платья с кринолинами, изрядно повеселив всю честную компанию».

В опубликованном в 1794 г. «Руководстве для развлечений» описывается, как в венском амфитеатре устраивались битвы между львами, леопардами, медведями, волками и рысями.

Чтобы пройти на свободные места, горожане приносили своих собак, нападавших на животных на арене.

Свои садистские наклонности охотники проявляли не только по отношению к животным. Согласно суровым законам сельчане были обязаны предоставлять свои уголья для развлечений своего помещика, хотя браконьеры жестоко преследовались. В 1537 г. обнаружили фермера с мертвым оленем на его собственном поле. Тогда архиепископ Михаил Зальцбургский приказал, чтобы его зашили в шкуру животного и отдали на растерзание голодной своре его собак, сам же он с наслаждением наблюдал, как изголодавшиеся звери раздирали человека на куски. Если у крестьянина находили зайца, то привязывали к горлу. Если в XVIII в. в Англии ловили голодного батрака, ставившего силки на кроликов, то его могли выслать на семь лет. Для защиты угодий от крестьян нередко использовались ловушки на людей и ружья-самострелы.

Конечно, люди жили по законам своего времени. Малообразованное население безучастно относилось к бессмысленному умерщвлению животных. К своей добыче охотник относился со смешанными чувствами восхищения и бессердечности. Оленя превозносили за благородство, кабана – за храбрость. В качестве примера можно привести тост Мастера охоты, опубликованный в книге Ливсона «Охота в разных странах» (1877). Вначале он превозносит «прекрасных дам, их сияющие глаза и пышную грудь», затем продолжает:

Я поднимаю тост за того,
От кого бегут могучие звери,
А он, самый благородный из нас,
В горных зарослях выросший,
Быстрее, чем самый стройный олень,
Живущий на просторах Декканского плоскогорья.
Кто может остановить его гордый бег?
Кто дерзнет его превзойти?
Чуть ниже он пишет о страсти, охватившей охотника:
Кабан, могучий кабан, меня влечет,
Вопреки голосу рассудка,
Я думаю о нем с утра до вечера,
Вижу его во сне.
За днями дни, я с неугасимой страстью,
Орлиным взором, твердою рукой
Гонюсь за ним,
Стремясь его убить!

Отметим, что выдра, считавшаяся небольшим и очаровательным существом, могла нападать практически с маниакальной яростью. Именно поэтому в поэтических текстах ее награждают такими эпитетами, как «жестокий тиран», «полуночный убийца», «тонконогий застенчивый скиталец». Английский поэт У. Сомервиль подробно описывает охоту на выдру в поэме «Погоня» (1735), заканчивая ее следующим образом:

И снова нападает толпа. Копье попало в шею,
Его зубцы впились ей в плоть,
Пурпурная кровь струится из раны.
Тяжелое древко мешает убежать,
Как тяжкий груз влечет его в глубины.
Но облегченья нет в прохладных водах,

И крик о помощи его никто не слышит,
Он к берегу стремится, чтобы скрыться в зарослях,
Но тщетны ее надежды,
Там ждут ее враги – охотники и гончие собаки.
Она мечется затравленно, но нет ей спасенья,
На заостренных пиках поднята высоко над толпой,
Извиваясь, она висит, и скалится, и кусается, но все тщетно,
Трубят громко в рог, весело воспевают случившееся,
Приговоренный к своей участи, он умирает, умирает.

И все же животные изображались необычайно подробно и любовно, их образы использовались в качестве украшения на охотничьем оружии.

Только к XVI в. у отдельных сограждан начала пробуждаться совесть, и стали раздаваться первые протесты против жестокого обращения с животными. Правда, не обошлось и без крайностей. В 1780 г. «джентльмен» (Ричард Гардинер) опубликовал «Сентябрь, сельскую поэму», памфлет, в котором он клеймит позором охотников, убивающих птиц во время выведения птенцов:

Куда податься их несчастным деткам?
Не скрыться от охотника ни в чаще, ни в кустах.
Отказавшись от борьбы, сбившись с дыхания,
Они закрывают глазки и умирают в агонии.
Но это ли триумф?
И можно ли содеянным гордиться?
Тем, что калечишь иль лишаешь жизни
Живое существо, созданье Божье?

В 1818 г. Дж. Лоуренс в «Охотничьем календаре» призывал «к милосердному обращению со всеми дикими животными», считая его «священной обязанностью» охотника. В октябре 1825 г. леди Кеннеди, ревностный поборник этих идей, посетила соревнования охотников и расстроилась, увидев, что в качестве мишеней там используют живых голубей. Побуждаемая личными намерениями, она привязала небольшой кусочек белой бумаги вокруг лапки каждой птицы, чтобы та полетела зигзагами и тем самым увеличились ее шансы на спасение. На самом деле это помешало полетам птиц, и «зрители просто умирали от смеха». В 1847 г. миссис Ханбери опубликовала «Один день из жизни оленя», где попыталась выступить против жестокой современной охоты на этих животных.

Однако большинство охотников продолжали проявлять невероятную жестокость к животным. В качестве примера можно привести избиение быков (более подробно об этом говорится в главе «Оружие», раздел «Ружья, заряжавшиеся с казенной части»). Случались и отдельные происшествия. В 1825 г. лорд Мидлтон решил соревноваться с егерем, причем тот, кто совершал удачные выстрелы, должен был нести добычу партнера. Поскольку егерь оказался более удачливым, лорду Мидлтону пришлось изрядно попыхтеть, ноша оказалась тяжелой, поэтому он преднамеренно убил молодого осла и заставил егеря нести его.

Даже добродушный П. Хокер не колеблясь застрелил своего молодого необученного пса, когда тот помешал ему во время охотничьей экспедиции во Францию. Некоторые доблестные авторы невольно выдавали себя своими собственными сочинениями. Нельзя не испытать тошнотворные чувства при прочтении описания Г. Камминга, посвященного убийству самого большого из встреченных им самцов слона. Первым выстрелом он обезножил животное, заста-

вив того хромать и укрыться под деревом, откуда он смотрел на своих мучителей «покорно и философски».

Камминг продолжает рассказывать: «Прежде чем уложить слона, я решил немного понаблюдать за этим благородным животным. Поскольку я уже расседлал своих лошадей и разместил их в тени дерева, где собирался остановиться на ночь и следующий день, то быстро разжег огонь и поставил на него свой котелок, так что через несколько минут мой кофе был уже готов. Затем я устроился в моем лесном доме, спокойно попивая свой кофе в компании с одним из прекраснейших слонов Африки, находившимся под соседним деревом, предвкушая то наслаждение, которое было у меня впереди.

Вволю насладившись зрелищем поверженного слона, я решил исследовать наиболее уязвимые точки. Приблизившись к нему насколько возможно, я выпустил несколько пуль в различные части его огромного тела. Они не причинили ему ни малейшего вреда, он просто махнул своим хоботом, воспринимая как досадное недоразумение, только мягко дотрагиваясь до раны осторожными движениями.

Удивленный и потрясенный, я понял, что только мучаю и продлеваю страдания благородного животного, которое с достоинством несло выпавшие на его долю муки. Решив закончить со всем этим как можно быстрее, я начал стрелять в него с левой стороны, соответствующим образом устроив мое оружие. Но прошло еще много времени, прежде чем мои пули начали оказывать свое воздействие.

Сначала я сделал шесть выстрелов из двустволки, которые могли оказаться смертельными, но также не нанесли видимого вреда. Тогда я выстрелил еще три раза из голландского шестифунтовика. Теперь из глаз животного полились огромные слезы, он медленно открывал и закрывал их, наконец его огромная туша дрогнула, упав на бок, он дернулся в конвульсиях и испустил дух».

Не станем сгущать краски и отметим еще одну составляющую охоты, которая позволит закончить это введение на более оптимистичной ноте. Насколько нам известно, охота всегда щекотала нервы. Многие полагали, что подобное возбуждение можно было испытать, занимаясь сексом. Возможно, в сказанном есть доля истины, ведь и тут и там налицо преследование, борьба и завоевание с кровопролитием. Рассуждая о каплях крови, оставленных раненым животным, Ч. Бонер в «Охоте на серну» (1853) сравнивает кровь с цветком:

Алое пятно радует охотника
Более, чем самая красная роза,
Он трепещет от восторга,
Как любовник, сорвавший цветок невинности.

Охоту часто посещали придворные дамы, предлагавшие в конце дня развлечения мужчинам, разгоряченным гоном. Их присутствие превращало наказание «клинком» в шумное и оживленное событие (об этом более подробно говорится в главе «Ножи и штыки», раздел «Охотничьи приспособления»). На гобелене XV в., хранящемся в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, известном как Девонширский гобелен, изображен олень, которого потрошит охотник, и гончая, с радостью копошащаяся в окровавленном месиве. А на втором плане другой охотник страстно ласкает грудь женщины.

В парижском Лувре находятся гобелены, известные как «Охота Максимилиана» (ок. 1525), на которых изображена парочка, занимающаяся любовью, в то время как на заднем фоне собираются охотники. Во французском любовном романе «Венера» де Фуллу (1561) встречается описание устройства кареты для охоты. Полагалось, в частности, посадить туда прыткую девицу шестнадцати или семнадцати лет, чтобы она услаждала сеньора во время путешествия.

В стихотворении «Как я стану жить в отставке в деревне», написанном около 1680 г., встречаем такое начало:

Если я доживу до старости, я отправлюсь в деревню,
Такова моя судьба. В селе,
Может быть, у меня будет теплый дом с каменной оградой
И чистая молодая девушка, которая станет почесывать
мою лысину.

Отметим, что в стихах охота и занятия любовью постоянно обозначались сходными образами. В охотничьих песнях обычно использовали непристойные каламбуры, как, например, в песне «Охота на венюк зайца». «Поиск кролика» или «зайца» означал наружные женские половые органы, иногда упоминалась сиппу (шкура). Сказанное относится и к лани. «Раненый» олень считался легкой добычей, поэтому его образ символизировал девушку, уступившую своему любовнику. На подобных метафорах построена известная баллада о горбатом леснике:

Жил-был лесник, стрелок отменный,
Всегда носил с собой припас,
Чтобы в цель попасть тотчас,
Едва завидит самку
В густом-густом лесу.
Джек, пой свою песню,
Вместе со мной, со мной,
Вместе со мной, со мной.
Но в первый раз он не попал,
Вторую он обнял и поцеловал,
А третья от него ускользнула,
В зеленый лес, в зеленый лес,
Четвертую самку поймал он в силки,
Объятья его страстны и крепки,
В зеленом, зеленом лесу.

Пятая самка резвухой была,
Прыгала как коза,
Но быстро ее он поймал, укротив,
На зеленой-зеленой траве.
Джек, пой свою песню,
Вместе со мной, со мной,
Вместе со мной, со мной.

Приведенные отрывки дают хотя и фрагментарное, но достаточно яркое представление о пороках и недостатках мужчин и женщин, использовавших оружие, о котором пойдет речь в следующих главах. Ввиду ограниченного объема в нашей книге возможны определенные недочеты.

Кровавые оргии королевских охот удовлетворяли потребности в жестокости и похоти. Не отставали от них и колонисты, осваивавшие заморские земли. Опьяненные властью, которую давало им огнестрельное оружие, они забивали всех животных, попадавших им на глаза. Профессиональные охотники, китобои, охотники на тюленей или морских котиков, бизонов и слонов безжалостно прощлись по землям и морям и истребили множество видов диких живот-

ных. Их кровожадность совершенно затмила скромных охотников, добывавших дичь ради питания своей семьи, а не ради удовольствия и спортивного тщеславия.

Встречались также те, кто изучал жизнь в сельской местности и, как следствие, начинал любить животных, гордясь тем, что никогда не причинял им страданий. Приведем слова сэра Самуэля Уайта Бейкера: «Все охотники, с которыми мне доводилось встречаться, на самом деле оказались весьма сентиментальными: оставаясь жестокими по отношению к животным, они были готовы расплакаться от любой душещипательной истории».

Глава 1

Мечи

Самым распространенным охотничьим оружием древности считались лук и копье, позволявшие охотникам держаться на безопасном расстоянии от своей жертвы. На египетских и ассирийских настенных изображениях, скульптурах и фресках изображаются охотники с луками или копьями, надежно укрывшиеся в своих колесницах, но практически не встречаются изображения охотников с мечами. Что же касается личной защиты, то охотник полагался на существовавший в его время боевой меч, хотя сегодня он кажется абсолютно неэффективным.

На ассирийском барельефе, датированном примерно 884 г. до н. э., находящемся в Британском музее, изображен на колеснице правитель Ассурнасирапал, охотящийся на львов с помощью лука и стрел. На поясе у него висит прямой меч в затейливо изукрашенных ножнах. На ритуальном щите, обнаруженном в гробнице Тутанхамона (ок. 1350 до н. э.), изображен сам правитель, убивающий львов ударом хопеш – округлой сабли, распространенной в Средиземноморье в конце бронзового века.

Встречаются и другие изображения оружия. На мозаиках (в Пелле и Помпее) и росписях античных ваз (ок. 300-100 до н. э.³) можно увидеть воинов с копьями и махайрой – односторонним мечом, похожим на кукри (оружие непальского племени гуркхов). Обычно они использовались, чтобы разрубать пополам туловища львов или кабанов (рис. 1).

³ Прекрасное изображение можно увидеть на мозаике, выложенной из гальки, находящейся в древнем греческом городе Пелла (Македония).

Рис. 1. Греческий охотник с махайрой, нападающий на дикого кабана. Рисунок на этрусской вазе V в. Коллекция Галлатина

Скифские воины на лошадях, вооруженные луком и стрелами, служившими в качестве основного оружия, использовали акинак – короткий меч в изысканно украшенных ножнах. На сарацинском серебряном изделии примерно 400500 гг. н. э. можно разглядеть королевских охотников, закалывающих и разделяющих львов прямыми обоюдоострыми мечами. Пожалуй, художник несколько преувеличил их деяния, поскольку практически подобные действия были трудноосуществимы. Все приведенные нами примеры касаются боевого оружия, тогда как по имеющимся изображениям видно, что специальный охотничий меч появился не ранее XV в.

Во многом невозможность использовать мечи обусловлена тем, что ранние бронзовые и железные изделия были слишком короткими и непрочными, чтобы их можно было без риска использовать против огромного разъяренного животного. Поэтому как охотничье оружие меч начали использовать только тогда, когда достаточно усовершенствовалась технология обработки металла. Первыми на охоте начали использовать появившиеся в Средневековье длинные и широкие обоюдоострые мечи, прорубавшие кольчугу и пластинчатые доспехи. Первоначально они использовались как рубящее оружие, но в XIII в., когда пластинчатые доспехи усовершенствовались и стали прочнее, меч стали использовать преимущественно для удара, а не разрубания противника. Тогда использовали прямые обоюдоострые мечи с слегка изгибающимися лезвиями. Для достижения необходимой жесткости применяли многослойную ковку и закалку. В результате лезвие приобрело ромбическое сечение. На иллюстрациях в рукописных изданиях изображены конные или пешие охотники, использующие такие мечи.

Большой охотничий меч

На рисунках в книге У. де Мильмета *De Nobilitatibus, Sapientiis et Prudentiis Regum* (1326–1327) изображены медведи и львы, на которых нападают с помощью большого охотничьего меча. В одной из первых печатных книг, посвященных охоте, «Книге королевских манер», опубликованной в 1486 г., изображен сидящий верхом охотник, бросающий острокопечный меч в медведя (рис. 2). Автор приводит подробные инструкции по использованию меча длиной 4 фута со специально затупленным левым краем, чтобы случайно не поранить левую ногу всадника. Вскоре подобное длинное, более тяжелое лезвие было повсеместно введено, хотя и не встречаются указания на то, что в то время специально затупляли один из краев меча.

В 1381 г. М. де Турне, оружейник короля Франции, изготовил два «больших разных меча... для правителя и монсеньора де Валуа, чтобы убивать кабанов». К сожалению, сколько-нибудь подробного описания самих мечей для охоты на кабанов не сохранилось. Тем не менее к концу XV в. уже существовал тщательно разработанный тип охотничьего меча для конного охотника. Одним из самых совершенных образцов можно считать меч Максимилиана I, находящийся в Историческом музее в Вене (фото 1).

Рис. 2. Охотник с мечом в руках. Гравюра из «Книги королевских манер» (1486)

Скорее всего, он был изготовлен в 1497–1498 гг. мастером из Галле Г. Шумерспергером. Это обоюдоострый меч из вороненой стали, украшенный религиозными надписями и сценами. Отметим прямую плоскую гарду и красивую рукоятку из дерева с костяными накладками, а также серебряный зажим, украшенный крупной жемчужиной. В рукоятке хранился набор столовых ножей. На гравюре в *Theuerdank* изображен Максимилиан, поражающий кабана ударом меча, который он держит обеими руками.

Другие мечи данного класса не столь великолепно отделаны, хотя практически не отличаются от него. Большинство имеют трехслойный клинок треугольного сечения с одним лезвием, который подходит и для рубящего и для колющего удара. Гарда усилена специальным приспособлением для указательного пальца и зажимом для большого пальца, чтобы меч можно было

надежно удержать в одной руке. Чтобы держать меч двумя руками, над эфесом прикреплялась дополнительная рукоятка (так называемый *pas d'ane*⁴). Трубочатые зажимы имели головку в форме рыбьего хвоста. Типичные образцы можно найти в Коллекции Уоллеса (в Лондоне), в Дрездене и в Музее оружия в Золингене⁵.

Рис. 3. Максимилиан I, убивающий кабана ударом двуручного меча. Гравюра из книги *Theuerdank* (1517)

Отметим и другой тип меча, встречающийся в той же группе, когда гарды и зажимы плоские и украшены сквозным декоративным орнаментом. Известен только один меч со щитком для большого пальца. Такой меч можно увидеть в замке Святого Ангела в Риме, другой пре-

⁴ Шаг осла. (Примеч. пер.)

⁵ Коллекция Уоллеса – лондонский музей выдающихся произведений искусства и французской мебели, носит имя основателя и бывшего владельца. (Примеч. пер.)

красный образец с изящно отделанными ножнами находится в Арсенале в Берлине. Более простые мечи имеют две пластинки из оленьего рога, приклепанные с каждой стороны лезвия, которые выполняют роль зажимов (фото 2).

Рис. 4. Охотники с полтораручными мечами. Фрагмент гравюры неизвестного немецкого художника

Такие рукоятки с приклепанными головками и специально декорированными шайбами характерны для охотничьих сабель и ножей, их можно увидеть и на гравюре Дюрера «Мученичество святой Екатерины».

У того же самого Дюрера на его самой известной гравюре «Святой Евстафий и чудесный олень» (ок. 1505) святой вооружен тем, что сегодня называют «полутораручный» меч. Обычно в ножнах такого меча хранились комплект столовых ножей и стилет. Его лезвие, позволявшее наносить как колющие, так и рубящие удары, было достаточно длинным, чтобы конный охотник мог поразить крупное животное не спускаясь с лошади. Удобная рукоятка позволяла хорошо держать меч и одной, и двумя руками.

На гравюрах начала XVI в. со сценами охоты можно увидеть и богатых и бедных охотников, вооруженных такими мечами (рис. 4). В Немецком национальном музее в Нюрнберге находится автопортрет каппенбергского мастера примерно 1500 г., где художник изобразил самого себя в охотничьем платье с одним из таких мечей. На картине Лукаса Кранаха-старшего «Охота, которую давал император Карл V для герцога Саксонского в 1550 г.» оба короля изображены с прекрасными двуручными мечами с длинными рукоятками⁶.

В «Реестре» оружия императора Карла V, сделанном после его смерти в 1558 г., описывается один из таких мечей: «охотничий двуручный меч с позолоченным эфесом и ножнами, украшенными бархатом, в ножнах находятся небольшие ножи».

В то время наибольшей популярностью пользовалась загонная охота, то есть варварское преследование дичи по сельской местности, когда собаки выгоняли оленя, кабана или медведя на охотников. Убийство осуществлялось ударом тяжелого меча. Чтобы поразить такое крупное животное, как кабан или медведь, приходилось вонзать меч достаточно глубоко, так что охотник оказывался в пределах досягаемости зубов и когтей животного, а узкое лезвие могло легко выскользнуть из туловища. Поэтому последний удар охотник нередко наносил не мечом, а крепким копьём. Тем не менее именно полутораручный меч оказался самым удобным, и такие рукоятки приделывались к разным типам клинков, предназначенных для охоты.

⁶ Сегодня картина хранится в музее Прадо (Мадрид).

Мечи для охоты на кабанов

Самые ранние мечи такого типа появились в первой половине XV в. и имели треугольное, квадратное или восьмиугольное сечение по всей длине. Во Франции они назывались «длинная шпага», в Британии – «рапира», использовались как для конного, так и для пешего боя. Поскольку таким оружием можно было не только колоть, но и нанести сильный рубящий удар, его стали использовать во время охоты.

В 1514 г. во Франции во время охоты на медведей, организованной дофином, сообщалось следующее: «Милорд Саффолк встретился с первым (медведем) и нанес ему такой удар своей рапирой, что она согнулась в его руках в трех местах, после чего заколол зверя».

В описи оружия и доспехов Генриха VIII, сделанной после его смерти в 1547 г., указаны следующие предметы: «две заостренные сабли в бархатных ножнах» и шесть «копьевидных мечей в кожаных ножнах».

В «Списке изобретений» за 1611 и 1619 гг. они названы «рапирами для охоты на дикого вепря». Самый необычный образец рапиры, находящийся в коллекции Генриха VIII, описан как «длинная позолоченная шпага в ножнах из черной кожи». Возможно, меч такого типа хранится в лондонском Тауэре. У него тисненые ножны, лезвие ромбического сечения длиной 4 фута и 2 дюйма, рукоятка длиной 1 фут и 10 дюймов и прямая гарда. В Описи арсенала Гонзага в Мантуе за 1542 г. указаны «две охотничьи рапиры (estocs)» круглого сечения, сделанные по образцу тех, что принадлежали его королевскому величеству. Здесь же отмечается «охотничий меч типа рапиры» («un arma da caccia in foggia de stocho»).

Тонкое упругое лезвие такого оружия позволяло гораздо лучше поразить крупное животное, чем обычное широкое лезвие меча. Отличие заключалось также в том, что не наносилась большая рана. Однако вполне могло случиться, что лезвие могло вонзиться так глубоко, что охотник оказывался в опасной близости от клыков разъяренного зверя. Поэтому на рапире появился широкий граненый конец, как у копья, предназначенного для охоты на кабана, или ограничитель, не позволявший вонзиться ее слишком глубоко.

Рис. 5. Охотники с мечами для охоты на кабанов. Фрагмент гравюры из книги «Триумф императора Максимилиана» (1526) 28

Первые образцы такого оружия появились около 1500 г. В 1512 г. император Максимилиан I продиктовал своему секретарю Марку Трейзауvenu детали триумфальной процессии, которую должны были провести в его честь. Позднее она была запечатлена в сериях гравюр, выполненных Х. Бургмайером и другими художниками. Проект завершился в 1519 г., когда умер император, однако первое издание книги «Триумф императора Максимилиана» появилось не ранее 1526 г.

Сюжетами гравюр стали одержанные императором победы и сцены различных развлечений. Император всегда находится в окружении охотников, слуг на турнирах, музыкантов. Одна группа состоит из пяти конных охотников на кабана, в руках у них находятся «новые мечи и пики для охоты на вепря» (рис. 5). Мы видим, что это полутораручные мечи с прочными четырехгранными лезвиями, увенчанные копьевидными расширениями или имеющие отражатель.

Лишь у одного из пяти персонажей изображен меч со вставленным в него поперечным прутком (рогом). Очевидно, что мечи данного типа не пользовались широким распространением. Если на копье, предназначенном для охоты на вепря, рог не причинял особых неудобств владельцу, то на мече его следовало прикрепить так, чтобы меч можно было вкладывать в ножны.

Для этого применяли различные приспособления. В самой простой конструкции поперечина при необходимости втыкалась в специальное отверстие в лезвии. Некоторые мечи оснащались оригинально устроенными складными перекладами, которые раскрывались, когда лезвие вытаскивали из ножен. У третьих имелись шарнирные или поворотные перекладыны (рис. 6).

На мече, хранящемся в Немецком музее охоты в Мюнхене, имеется ограничитель в виде диска, а форма клинка напоминает копье с шилом. Известно, что одно из таких копий упоминал Максимилиан в книге «Фрейдал», панегирическом описании своих подвигов, опубликованном в 1512 г. Копья появились также и в красочно иллюстрированном каталоге его арсенала «Книга инструментов». Место расположения перекладыны могло отличаться, но в большинстве случаев она вставлялась в древко непосредственно над лезвием, чтобы обеспечить в дальнейшем полное вхождение оружия в туловище животного.

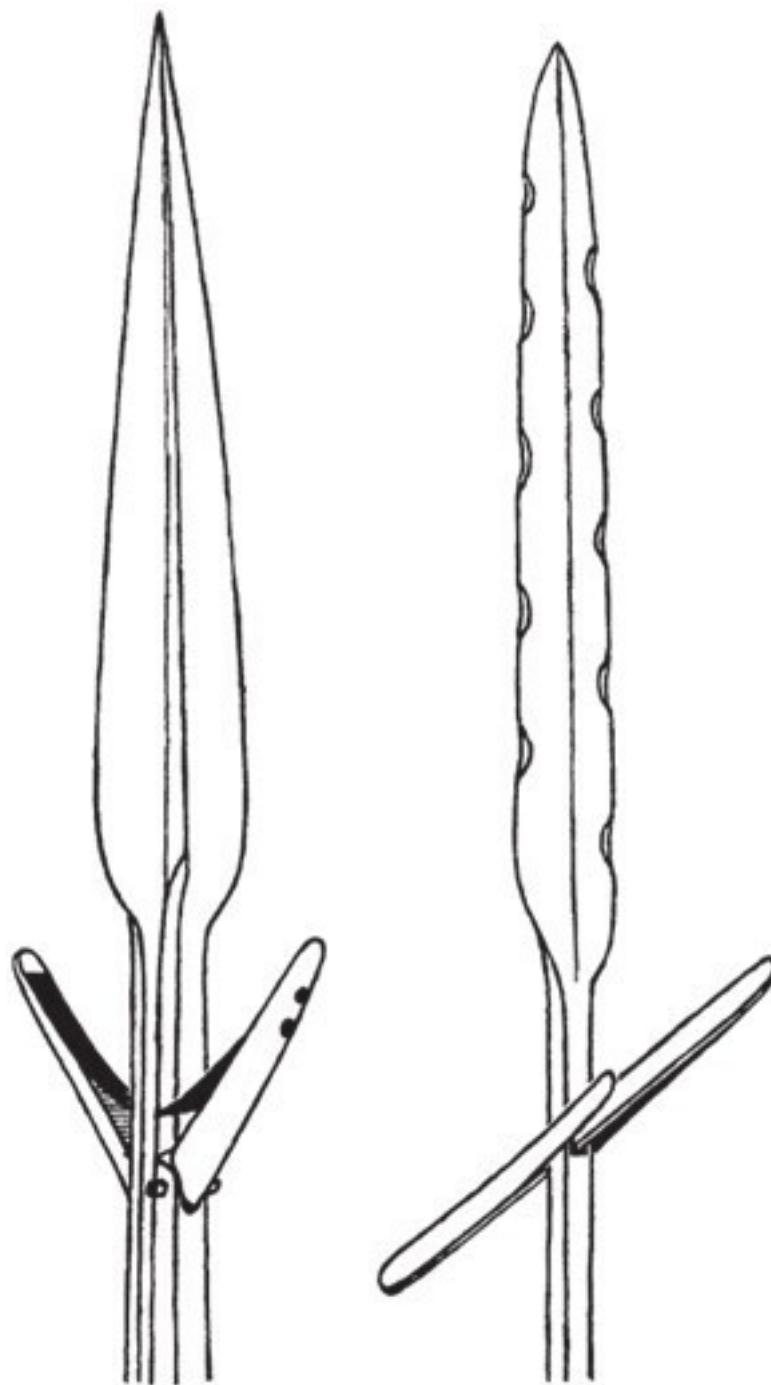

Рис. 6. Мечи для охоты на кабанов с поперечными ограничителями. Слева: складные пластины с пружиной, раскрывающиеся при извлечении меча из ножен. Франция, ок. 1500 г. Музей Баргелло, Флоренция. Справа: съемная перекладина с фиксирующей пружиной. Дания, ок. 1550 г. Тойгусмузеум, Копенгаген

Следуя за Г. Фебом, изготовители большинства мечей оставляли верхнюю часть лезвия незатаченной, так что она имела круглое, квадратное, треугольное или шестиугольное сечение. Что касается длины и формы лезвия, то они значительно различались. Так, меч Филиппа Красивого, герцога Бургундского (1482–1506) и короля Испании (1504–1506), находящийся сегодня в Музее изящных искусств в Вене, имел короткое широкое лезвие. В Коллекции Уоллеса находится немецкий меч, который, напротив, имеет узкое копьеподобное лезвие. На некоторых лезвиях края затачивались волнообразно, чтобы облегчить их втыкание в тушу.

Несмотря на необычный дизайн, пикообразные кабаньи мечи пользовались необычайной популярностью. Их изображения можно увидеть на многих полотнах и гравюрах. Интересное копьё запечатлено на костяной пластине, украшающей ружье с колесцовым замком, подаренное герцогом Баварским Фердинанду II в 1626 г. (оно хранится в Музее Баргелло во Флоренции). На стволе имеются инициалы мюнхенского мастера Иеронима Борштоффера, а на пластине изображен поражающий медведя охотник, который держит меч необычным способом.

Клинок кабаньего копьевидного меча подходил практически для любой разновидности эфеса, даже для рапиры, поэтому мечи продолжали использоваться до конца XVII в. Как и другие предметы, имеющие утилитарное назначение, охотничьи мечи обычно не отделялись, за исключением лезвия, и почти всегда входили в комплект охотничьего вооружения. Известно, что в арсенале Гонзага в 1543 г. находилась «медвежья сабля с гравированным лезвием и стальной головкой».

Возможно, самым изящным можно назвать меч из собрания Государственного исторического музея Москвы, раньше хранившийся в берлинском Арсенале. Его рукоятка отделана и позолочена Даниэлем Садлером, а лезвие изготовлено Ульбрихтом Дифстеттером, мастерами, жившими в Мюнхене в 1615–1620 гг.

Короткие мечи

Все вышеописанные мечи представляли собой огромные изделия, в среднем достигавшие 4–5 футов в длину, они прекрасно служили во время финальной схватки с огромным диким животным, но явно оказывались неудобными во время длительной погони по лесистой местности. Поэтому многие всадники предпочитали большой охотничьей сабле Максимилиана оружие меньшего размера.

Один из таких мечей, возможно сделанный в Северной Италии, имел короткий захват с чашеобразной рукояткой, прямую, иногда слегка закрученную дужку гарды, горизонтально закрученное обоюдоострое лезвие, суживавшееся к концу. Такие мечи можно увидеть на картине «Юдифь» В. Катено в галерее Квирини Стампалиа, в Венеции. В своей великолепной картине «Ночная охота» (ок. 1465), хранящейся в Эшмолеанском музее в Оксфорде, Паоло Учелло вооружает конных охотников малыми мечами.

Описанные нами картины подтверждают, что короткие мечи изготавливались в Италии, но были распространены и в других частях Европы. Дюрер изображает их в гравюрах «Прогулка» и «Знаменосец» (ок. 1500). Образцы таких мечей можно увидеть и в лондонской Коллекции Уоллеса, и в Немецком национальном музее в Нюрнберге. Короткий меч был практичным и недорогим оружием, поэтому им пользовались и ландскнехты, и придворные, и чиновники, и горожане.

Слуги, выполнявшие во время охоты различные поручения, предпочитали еще более короткие мечи. Им требовался меч, которым можно было ударить исподтишка и нанести смертельную рану. В результате появилось нечто среднее между короткой широкой кривой саблей с загнутым лезвием, встречающейся на многих рисунках и гобеленах, и крестьянским ножом, который служил для выполнения различных работ в лесу, в поле и дома.

Охотник использовал арбалет или копьё как основное оружие, а короткую саблю держал для личной защиты. Это видно на одном из девонширских «охотничьих гобеленов» примерно 1425–1450 гг., находящемся в Музее Виктории и Альберта в Лондоне. Изображено, как загоняют медведя и как смятый животным охотник делает выпад, отчаянно выставив вперед саблю с загнутым лезвием. У нее четко видна прямая поперечина и плоский клепаный зажим.

Похожий меч изображен на портрете Дженкина Вирола, наемного лесника, находящемся в Ньюлендской церкви в Глостершире. Охотники в «Медвежьей охоте» герцога Бертольда фон Царингера из «Бернской хроники» Дибольда Шиллинга 1484 г., хранящейся в Государственной библиотеке в Берне, вооружены похожими мечами. В издании 1486 г. – «Книге королевских манер» – охотники носят короткий меч с широким рубящим клинком, рукоятка имеет приклепанные пластины и прямую гарду с изогнутым концом (рис. 7).

Рис. 7. Разделка туши. Гравюра из «Книги королевских манер» (1486)

Начиная примерно с 1500 г. большинство коротких охотничьих мечей получают более изысканный эфес. На фламандской серии гобеленов, известных как «Охота на единорога», датируемой примерно 1500 г. и сегодня хранящейся в Метрополитен-музее в Нью-Йорке, один из охотников носит короткий прямой меч, в ножнах которого находится небольшой нож. У рукоятки имеется щиток для костяшек пальцев, наклонная гарда и асимметричный эфес.

В книге «Травля волков» Жана де Кларморгана, опубликованной в 1563 г., изображены несколько охотников, носящих короткую широкую кривую саблю. В «Отборных войсках» Хеннеля представлены несколько таких сабель, различающихся по изгибам, весу и ширине, форме эфеса и рукоятки, круглой или прямой гарде. Совсем недавно в арсенале Эрбахта в Оденвальде (Германия) находилась прекрасная короткая широкая сабля с рукояткой из оленьего рога, серебряными с позолотой ножнами с футлярами для меньших по размеру ножей. Сегодня она продана на аукционе Фишера в Люцерне, и местонахождение ее неизвестно.

Интересен и небольшой охотничий нож, принадлежавший Генриху VIII, сегодня он находится в коллекции ее королевского величества в Виндзоре (фото 2). Его изготовил Диего де Кайас в честь захвата Болоньи в 1544 г. В длину он чуть больше 2 футов, имеет изогнутое лезвие, в ножнах находится еще один небольшой нож. Эфес имеет щиток для костяшек и загнутую вниз гарду. Вероятно, именно этот нож указан в «Реестре королевского гардероба», составленном в 1547 г., где среди перечисленного оружия Генриха VIII названы «два больших ножа для охоты... сделанных Диего, в крытых бархатом ножнах, с ножами и шилом».

Современные определения коротких охотничьих сабель не отличаются точностью. Так, в описаниях правления Генриха VIII часто появляется английское определение «лесной нож», «нож для охоты». Более полно и подробно изделия характеризуются в «Реестре» 1547 г., упомянутом выше. В разделе, посвященном оружию, хранящемуся в Вестминстере, буквально говорится следующее: «...два охотничьих ножа с позолоченными рукоятками, один в ножнах из зеленого бархата, другой в ножнах из черного бархата, украшенных бронзовыми позолоченными накладками, с перевязью из зеленого бархата, украшенной круглыми заклепками и бронзовыми позолоченными подвесками».

Несомненно, король гордился такими красивыми «игрушками» и требовал, чтобы их содержали как можно лучше. К Рождеству 1538 г. мастер Джон Банк доставил в Гринвич 132 предмета, среди которых были «королевские мечи, охотничьи ножи и кинжалы», которые он вычистил и починил, получив по 4 пенса за каждый. Существуют некоторые основания утверждать, что под «охотничьим ножом» в некоторых случаях подразумевали тяжелый рубящий нож и используемые вместе с ним инструменты, которые сегодня обычно описывают как «охотничий комплект» (более подробно об этом говорится во второй главе).

В счете торговца ножевыми изделиями, представленном Генриху VIII в 1547 г. незадолго до его смерти, отмечается «охотничий нож с двумя столовыми в ножнах». Видимо, здесь упомянуты ножны одного из вышеуказанных комплектов. Практически все разнообразные охотничьи или предназначавшиеся для кавалеристов мечи имели на ножнах один или два футляра для столовых ножей. Обычно в таких футлярах помещались небольшие ножи или нож вместе с шилом или стилетом. Нередко такие же футляры делались и на ножнах обычных поясных ножей.

Используемое в «Словаре» Ги французское слово *braquemart* или *braquemard* означает «короткий, тяжелый меч с одним лезвием, обычно правосторонним и слегка изогнутым к острию» и часто относится к тому виду оружия, которое мы сегодня назовем *couteau de chasse* (нож для охоты), или охотничий меч.

В известном «Словаре» Котгрейва, изданном в 1612 г., *braquemard* переводится как «охотничий нож, кортик или кинжал». Он также переводит *malchus* (еще одно обозначение короткого рубящего меча) как «короткий охотничий нож». Очевидно, что понятие «охотничий нож» широко использовалось. В «Компендиуме» Мишно (1625) слово *Whineyard* (шотл. *whinyard*) переводится как «кинжал». Таким образом, мы вернулись к тому, с чего начали, – самым близким к охотничьему мечу оказался «кинжал». Попробуем дать его характеристику.

Кинжалы

Одно из первых упоминаний кинжала содержится в завещании Томаса де ля Мара Йоркского от 1358 г. («мой нож или, точнее, кинжал»). Слово «кинжал» можно найти во многих английских завещаниях XV в. Например, в документе 1427 г. назван «золотой кинжал». В другом завещании, от 1450 г., упомянуты «охотничий нож» и «кинжал с рукояткой из слоновой кости». В наши дни это слово используется только для обозначения оружия, у которого гарда и рукоятка точно сбалансированы с лезвием, однако раньше оно имело и дополнительные значения. В завещании Джона Эстерфилдского от 1504 г. указан «нож, именуемый кинжалом». В Описи 1579 г. движимого имущества сэра Томаса Батлера перечислены «кинжалы или ножи». Спустя восемь лет Роберт Брайен описывает свою любимую саблю и называет ее «мой ножик или кинжал».

В Описи Генриха VIII, о которой говорилось выше, там, где упоминаются его ножи для охоты, также включены (в Вестминстерском собрании) «короткий кинжал с костяной рукояткой в ножнах из белой замши, защелкой и двумя серебряными обоймицами». В королевском гардеробе хранился «один небольшой короткий кинжал с бронзовыми кольцами, прямой гардой, блестящей рукояткой и ножнами из замши с ножом и шилом». В 1532 г. в качестве годового подарка лорд Рошфор подарил королю два кинжала с бархатными портупеями.

Рис. 8. Возвращение с охоты. Изображен охотник с коротким охотничьим мечом. Из книги *Ander Theil des neuen Kunstbuchs* (1580)

Несмотря на многочисленные упоминания, не совсем ясно, какая разница существовала между кинжалом и охотничьим ножом, и если она действительно существовала, то в чем же она заключалась? В завещание сэра Уильяма Волстонкрофта 1518 г. включено следующее пожелание: «Я передаю Кристоферу Борингу мой кинжал, или охотничий нож». Точно так же два обозначения встречаем в Описи арсенала в Стамфорде от 1557 г. Под заголовком «кинжалы» там помещены следующие изделия:

Рис. 9. Гравюра на памятной медной дощечке, находящаяся в Уолтоне на Темзе, в графстве Суррей. Увековечен подвиг Джона Селвина, когда тот сумел оседлать и убить оленя в Отлендском парке, демонстрируя свое искусство перед Елизаветой I в 1587 г.

охотничьи ножи в бархатных ножнах, один длинный, один короткий;

один кинжал с инструментами от моего отца;

один кинжал с ножом, шилом, компасом и молотком.

Очевидно, что слово «кинжал» использовалось широко и применялось ко всем разновидностям коротких мечей или длинных ножей, которые применялись во время путешествий или охоты.

Особое распространение кинжалы получили у англичан. Французский посол маршал де Вьевиль так описал английские развлечения в письме Генриху II (1547–1559): «Англичане вовсе не так искусны в охоте на оленя, как в морских сражениях. Они повезли меня в огромный парк, где обитало множество оленей. Верхом на роскошно убранном сардинском коне я охотился в сопровождении сорока или пятидесяти лордов и джентльменов. Мы убили порядка пятнадцати или двадцати животных. Меня страшно позабавило, как англичане серьезно относились к охоте, с кинжалом в руке они кричали так громко, как будто преследовали врага в тяжелой битве и с трудом добивались победы».

В приходской церкви в Уолтоне на Темзе находится гравированная медная дощечка, на которой запечатлен подвиг Джона Селвина, лесничего Отлендского парка. Во время охоты он перепрыгнул со своей лошади на спину оленя. Направив животное к королеве, он затем вонзил свою саблю ему в шею, так что тот замертво упал к ее ногам (рис. 9).

В других частях Европы по-разному относились к идее создания удобной сабли для охоты. Так, сабля эрцгерцога Фердинанда II Тирольского, датируемая примерно 1560 г., находящаяся в Музее искусств в Вене, имела ту же самую длину и форму, что и сабля, принадлежавшая Генриху VIII и находящаяся в коллекции в Виндзоре, однако ее рукоять была выточена из куса ярко-алого коралла и увенчана весьма непрактичной кисточкой. Такая же рукоятка и у небольшого ножа, находившегося в ножнах. Похожие рукоятки имели и нож, вилка и ложка, изготовленные в 1579 г. и хранящиеся в Историческом музее в Дрездене.

Очевидно, что описанные нами эксцентричные проявления причуд состоятельных хозяев явно отражали стремление превратить охоту в красочное зрелище.

Сабли с календарями

В первые десятилетия XVI в. появились интересные мечи, на лезвиях которых выгравированы или вырезаны календари с перечнем имен святых, иногда дополнявшиеся зодиакальными знаками. Большинство таких мечей оказались именно охотничьими. В 1532 г. в качестве новогоднего подарка сэр Эдвард Сеймур (его сестра Джейн позже вышла замуж за короля) подарил Генриху VIII саблю с позолоченным эфесом и календарем, нанесенным на поверхность клинка.

В лондонском Тауэре хранится охотничий меч со стальным эфесом XVI в., украшенный золотым и серебряным цветочным орнаментом. Позже по этому орнаменту был выгравирован григорианский календарь, на отдельных квадратиках изображены священные дни, отделенные картушами со знаками зодиака. Внутри круга рядом с эфесом содержится инструкция по пользованию календарем на примере 1686 г. Зажим изготовлен из оленьего рога.

Скорее всего, в то время, когда был преподнесен подарок, календарь в виде рисунка наносился достаточно часто. Ряд таких лезвий подписаны или имеют инициалы Амброзиуса Гемлиха, мастера из Мюнхена. Среди его работ отметим нож, объединенный с пистолетом с колесцовым замком, хранящийся в Метрополитен-музее в Нью-Йорке (фото 64), похожий нож (только без пистолета) находится в Национальном музее в Кракове, кортик, хранящийся в Музее искусств в Вене, охотничий нож, находящийся в Национальном музее в Мюнхене, и еще один, раньше бывший в Цейхгаузе в Берлине. Все изделия были изготовлены с 1528 до 1540 г.

Появление календаря на орудиях для охоты объяснить непросто. Известно, что человек издревле связывал успех на охоте с благоприятствованием тех или иных потусторонних сил. В языческие времена это были духи леса и соответствующие боги, а позже успешную охоту связывали и с расположением святого, покровительствующего охотнику. Джон Ди в «Тройном альманахе на 1591 год по христианскому исчислению» приводит праздничные дни римского и григорианского календарей и зодиакальные знаки наряду с информацией о фазах Луны, восходе и заходе солнца.

Одновременно называются «правильные дни», подходящие для посадки и рубки деревьев, кровопусканий и т. д. В одной заметке говорится, что «для очищения желудка более всего подходит время, когда Луна находится в треугольнике Ватри, то есть в созвездиях Рака, Скорпиона или Рыб». Хотя там нет рекомендаций, когда проводить охоты, но очевидно, что хорошо тренированный охотник мог провести необходимые подсчеты исходя из собственного календаря.

На лезвиях мечей календари гравировали вплоть до XVII в. Меч из собрания Кречмара фон Кинбуша в Нью-Йорке с выгравированным на лезвии календарем датируется примерно 1630 г., а другой, из Метрополитен-музея, представляет собой широкий нож с плоским лезвием и рукояткой из оправленного в серебро оленьего рога, имеет выгравированный на лезвии календарь, относящийся к 1678–1700 гг.

Комбинированные мечи

Среди других интересных новинок XVI в. отметим соединение сабли и ружья, в котором обычно использовался колесцовый замок.

Выше уже говорилось о комбинации охотничьего меча и пистолета с колесцовым замком, однако известно не много образцов такого оружия. Создавая оружие двойного действия, мастера хотели максимально защитить охотника, дав ему возможность в случае необходимости убить животное.

Несмотря на все очевидные преимущества подобных соединений, их введение ограничивалось несовершенством пистолета и его большим весом. Колесцовый замок имел сложное устройство, и никто не был уверен в том, что в нужный момент он сработает так, как нужно. Чем дольше исследуешь такие изделия, особенно образцы с длинными охотничьими рапирами и копьевидными мечами для охоты на медведей, тем более склоняешься к мнению, что они относятся к механическим безделушкам и диковинкам.

Более простой и, несомненно, полезной новинкой можно считать зубчатую заточку задней стороны некоторых мечей. Она сильнее травмировала животное, при необходимости ее можно было использовать для распиливания дерева или кости. Поэтому зубчатый край обычно делался у небольших охотничьих сабель, которые носили слуги, обслуживающие охотников. Прорубание тропы через подлесок или заготовка дров для костра считались рутинной работой, и благородные охотники вовсе не стремились ею заниматься.

Как мы сможем убедиться в дальнейшем, охотник с большей радостью занимался разделыванием туши. Именно для этого предназначались большие рыцарские охотничьи мечи, снабженные пилообразными зубцами. Иногда зубцами снабжались и широкие мечи с большими рубящими лезвиями.

Интересные образцы хранятся в лондонском Тауэре и в Немецком музее охоты в Мюнхене (фото 39–40). В Описи Генриха VIII 1547 г. указывается на охотничий нож с рукояткой из слоновой кости, позолоченной рукоятью в форме головы грифона и «задней частью лезвия в виде пилы».

Примерно в то же время, когда ввели пилообразный задник, наступил период возрождения опущенного вниз полукруглого клапана, который можно найти на некоторых больших мечах XV в. Они служили прикрытием для убиравшихся в ножны ножей и инструментов. Одним из первых образцов такого меча, имевшего обе особенности – особый вид защиты и пилообразный конец, является охотничий меч из коллекции герцога Брунсвикского.

Над лезвием расположены плоская, повернутая вниз гарда, щиток для пальцев и отражатель в форме завитка раковины, нависающий над лезвием. Имеется также одно прямое лезвие с пилообразным задником. Костяная рукоятка покрыта гравировкой с охотничьими сценами, металлические части эфеса также гравированы, кроме того, позолочены и инкрустированы серебром.

Отделка мечей

Во все времена оружейники стремились применять богатую отделку. В начале XVI в. художники начали печатать эскизы для изготовителей ружей и торговцев мечами, чтобы они смогли использовать их для украшения и рекламы своих изделий. Так, Ганс Гольбейн-младший, чей рисунок «танца смерти» (ок. 1530) представлен на ножнах ряда шведских и южно-немецких кинжалов, сделал несколько рисунков пером для эфесов и ножен рапир, кинжалов, кавалерийских или охотничьих сабель.

Другие мастера того же периода, Генрих Альдеграфер, Урс Граф и Ганс Зебольд Бехан, также делали свои рисунки. В «Книге образцов» Филиппа Орсо из Мантуи, датированной 1554 г., содержатся несколько выразительных рисунков, предназначенных для украшения эфесов мечей. Один из таких его рисунков с рукояткой эфеса в виде фигурки орла на головке скопировал Лука Пенни (прозванный Романо) в своей известной гравюре «Орион и Диана» (1563).

Вошедшее в моду приобретение больших комплектов вооружения, выполненных по эскизам одного художника, стимулировало интерес к отделке охотничьего оружия. В Копенгагене сохранились остатки трех комплектов охотничьих сабель, изготовленные для Фридриха II Датского между 1584 и 1586 гг. Сегодня они разделены на два комплекта и хранятся в Тойгусмузее (фото 13) и в Розенборге. Каждый комплект состоит из двух кинжалов (один с прямым лезвием, у другого лезвие слегка закруглено), эстока и короткого меча или рапиры с рубящим и прокалывающим лезвием.

Хотя гладко отполированные стальные эфесы мечей покрыты золотым и серебряным орнаментом, рукоятки украшены золотыми насечками и розетками, весь ансамбль производит впечатление сдержанной элегантности, сравнимое только с необычными комплектами, изготовленными для эрцгерцогов Саксонии. Некоторые из них и сегодня можно увидеть в Историческом музее в Дрездене.

Самые удивительные чувства испытываешь при виде изумрудного гарнитура. Он состоит из охотничьей сабли и ножа для разрезания туши, сумки, охотничьего рога с ремнем, охотничьих ремешков для обвязывания небольшой дичи и собачьего ошейника. Все металлические части позолочены и оживлены прямоугольными вставками из изумруда, образующими охотничьи сценки.

В свое время изумрудный гарнитур и еще два комплекта из бирюзы были заказаны Кристианом II, эрцгерцогом Саксонским, у золотых дел мастера Габриэля Гипфеля и затем подарены братьям Иоганну-Георгу и Августу между 1607 и 1609 гг. в качестве рождественского и новогоднего подарков.

Среди самых великолепных из когда-либо изготавливавшихся видов оружия считаются те, что изготовлены группой мастеров, трудившихся при дворе баварских герцогов. Они отделаны совершенно иначе, совсем не так, как предполагала ренессансная роскошь, отличающая саксонское оружие. Мастера были известны своей чеканкой по железу, высекали рисунок или сценку на металле и затем делали его выпуклым с помощью позолоты, наносившейся как фон.

Первым мастером, применившим такую технику, считается Эммануэль Садлер, или Саттлер, сын антверпенского мастера-ножовщика, переехавший в Мюнхен, чтобы стать придворным мастером по металлу при герцоге Вильгельме V в 1594 г. После его смерти в 1610 г. его сменил на этой должности младший брат Даниэль, который до этого состоял мастером у императора Рудольфа II Габсбурга в Праге.

Именно Даниэль изготовил необычный подбор, состоявший из замковых ружей, пистолетов, мечей, фляжек для пороха и других аксессуаров, со временем подаренный эрцгерцогом

Максимилианом Баварским герцогу Карлу Эммануэлю Савойскому в 1650 г. Сильно напоминающая другие его изделия сабля хранится в Историческом музее в Дрездене.

Мастерская Садлера была захвачена в 1635 г. Каспаром Спатом, работавшим в похожей манере и по тем же рисункам. На изготовленном им охотничьем кинжале, хранящемся в Венском музее искусств, имеется покрытый чеканкой эфес, позолоченный в соответствии с традициями мастерской Садлера.

В первой половине XVI в. в Восточной Европе развились разные типы отделки мечей, но особого разнообразия искусство украшения оружия достигло в Англии. В данном случае металлическая поверхность оставалась гладкой, декоративные мотивы в виде цветочного орнамента, розеток, херувимов и изображений правителей наносились в форме инкрустации и покрывались серебром, иногда золотом.

Хотя именно иностранные мастера познакомили английских кузнецов с этим видом отделки, правительство всячески поощряло местных умельцев, чтобы они смогли превзойти иностранных конкурентов. В соответствии со Статутом 1563 г. был строго запрещен ввоз «поясов, рапир, кинжалов, ножей, эфесов, рукояток, запоров, лезвий для кинжалов, рукояток, ножен, уже изготовленных и приобретенных в любом месте за пределами острова». Из имеющихся реестров королевского гардероба и отчетов лорда – управляющего двором короля ясно, что работавшие в Хонслоу и Лондоне ножовщики должны были, если использовать язык Статута, «не допускать никакого чужеродного влияния, чтобы ничего не заимствовать».

Отмеченная нами тенденция обуславливалась личными пристрастиями правителей. В начале своего правления Яков I Английский был страстным поклонником охоты. Один из его придворных, граф Вустерский, иронически писал своему другу в 1604 г.: «Сев в седла с рассветом, уже в восемь часов утра, мы начали загонять одного зайца за другим, пространствовал до четырех часов вечера».

В 1606 г. королевскому ножовщику Роберту Сауту заплатили за охотничий меч, эмалированный и покрытый серебром, описанный на ломаной латыни: «Рукоятка меча стальная, покрыта эмалевым узором, клинок железный, украшен серебрением, ножны из зеленого бархата».

Другой ножовщик по имени Натаниэль Мэтью представил королю в 1614 г. охотничий меч, покрытый серебром и золотом следующим образом: «На клинке дамасковое изображение херувима с позолотой, рукоятка серебряная с позолотой, ножны крыты зеленым бархатом, устье и носок позолочены».

Поскольку в Европе были широко распространены тяжелые инкрустированные и покрытые серебром рукоятки, не так-то просто выделить изделия именно английского производства. Обычно характерной особенностью считают шарообразное навершие рукояти. Так, односторонний меч с эфесом от рапиры из лондонского Тауэра, скорее всего, является образцом большого охотничьего меча.

По рисункам и гравюрам в книгах и рукописях XVII в. можно сделать вывод, что практически все типы мечей использовались в качестве охотничьих. Некоторые изделия, отличающиеся великолепием отделки, с изображениями охотничьих сцен, вряд ли имели практическое применение. Так, охотничья сабля императора Фердинанда II, датируемая 1633 г., теперь находящаяся в Венском музее искусств, имеет крестообразный эфес, на конце высечен двуглавый орел, а также защелку, гарду и большие щитки в виде створок раковины из оленьего рога. Трудно представить, как можно было пользоваться такой саблей, она бы сразу же поранила руку.

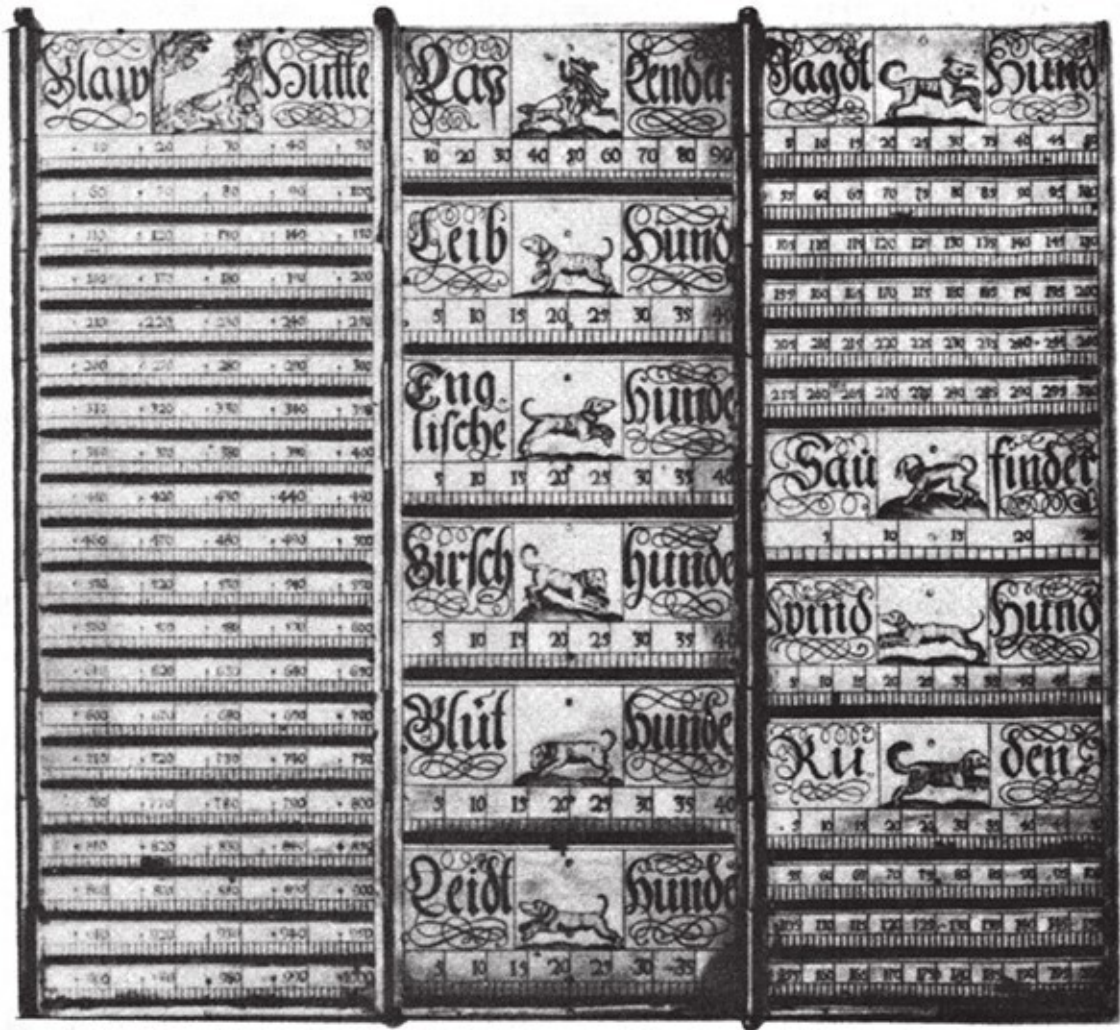

Рис. 10. Отрывок из немецкой записи, посвященной охотничьим подвигам, и календарь XVII в. На листах отмечены количество и породы использовавшихся во время охоты собак. Собрание Вадестона, Британский музей

Любопытную группу образуют охотничьи сабли, украшенные специальными счетными таблицами. Неизменным компонентом любой охоты было соревнование в количестве убитой дичи и величине пораженных животных, поэтому велись самые тщательные подсчеты. В Британском музее хранится исключительный образец немецкого охотничьего меча с календарем и счетчиком. Он состоит из восьми медных, прикрепленных на шарнирах страничек, большинство из которых посвящены определенным разновидностям охоты – на обыкновенного оленя, кабана, вожака стаи и т. д.

На каждом листе вырезана табличка, причем желобки заполнены красным воском, и пронумерованные шкалы. Нанося на шкалу отметки в определенных местах, можно было зафиксировать количество убитых животных, общий вес, количество миль, которые успел пробежать заяц, спасавшийся от охотников. Фиксировалось и время восхода и захода солнца, длина дня и ночи для каждой недели года. Другие секции оставлены для записей применяемых средств, например, указывалось количество использованных во время охоты собак.

Для ведения подобных записей использовались практически все разновидности сабель с прямыми лезвиями и небольшими гардами. Круглые таблички размещались в специальном футляре. У сабли, находящейся в коллекции Скотта в Глазго (фото 37), и той, что раньше была в собрании принца Карла Прусского, имелись три таких счетчика.

Английский кинжал

К середине XVII в. ружья вытеснили арбалеты и копья и в большинстве случаев меч как основное атакующее охотничье оружие. Заметим, что хранящийся сегодня в Историческом музее в Дрездене прекрасный охотничий гарнитур Иоганна-Георга II состоит из ружья с колесцовым замком и двух пар кремневых пистолетов, причем один носился в кобуре, а другой в кармане. Из клинкового оружия в него входили только кинжал и широкий нож. Но в Англии кинжал продолжал пользоваться популярностью именно как охотничье оружие.

В качестве примера сошлемся на комментарий XVI в. некоего английского спортсмена, любившего охоту и верховую езду. Иностранцы путешественники поражались страсти англичан к охоте. Один из них так описывал землевладельца из Кента: «Он проводит все время в седле, не снимая сапог для верховой езды со шпорами и плисовых штанов».

Кинжал оказался самой удобной разновидностью меча для защиты во время путешествия, а также и для охотника, который в основном гонялся за оленями и зайцами с помощью своры гончих. В данном случае ему оказывался полезным именно короткий клинок, в отличие от континентальных охотников, чаще сталкивавшихся с кабаном, медведем, волком и даже зубром.

В 1629 г. Генри Хоппи и Петр Инглиш открыли в Хонслоу мастерскую по изготовлению сабель. Об этом свидетельствует поданное ими прошение, хотя сама мастерская могла начать работать и раньше. Вскоре подобные предприятия организовали и другие мастера – Бенджамин Стоун, Ричард Хопкинс, Иоганн Киндт, или Кеннет, Джозеф Дженкс. Как и лондонские мастера-ножовщики, они сосредоточились на изготовлении трех основных разновидностей клинкового оружия. Рапиры отличались завитыми гардами и длинными рукоятками с бороздками. Мечи для кавалерии имели эфесы корзинчатого типа и были известны как «разящие наповал». Кинжалы, или кортики, отличались наличием или отсутствием зазубренного заднего края.

Что касается эфесов, то рукоятки первых групп обычно представляли собой плоскую железную конструкцию, не украшенную даже примитивной гравировкой. Однако большинство кинжалов были украшены серебряной инкрустацией, характерной для английских оружейников, использовавших ее в начале XVII в. Такие изделия находим в лондонском Тауэре, в Музее Виктории и Альберта, Коллекции Уоллеса и частных собраниях, где размещены изделия 1630–1650 гг. с типичными плоскими шляпообразными рукоятками с завитком в том месте, где прикреплен чаша.

У одного меча тройная гарда, прикрепленная к вазообразной чаше. Большие по размеру секции закручены справа налево, меньшие – наоборот. Лезвия кинжалов слегка закруглены, отличаются по размеру, их длина составляет от 20 до 30 дюймов. Разнообразие отметок не позволяет их точно идентифицировать, одни изделия могли изготовить лондонские ножовщики, другие – золингенские кузнецы. Часто изделия подписаны и датированы как «Лондон» или «Хонслоу», что означало лишь место поставки.

Накладки рукоятки сделаны из оленьего рога, иногда посередине разделяются железной лентой. Если они изготовлены из дерева, то связаны железной или серебряной проволокой. В лондонском Тауэре (фото 14) хранится прекрасный образец, где рукоятка покрыта разноцветным контрастным серебряным узором, а гарда – пересекающимся орнаментом из серебряных точек. О распространенности подобного типа изделий свидетельствует объявление, данное в «Лондонской газете» в 1679 г. Томасом Хафпенни и сообщающее о потере кинжала с рукояткой, покрытой серебряным узором.

Скорее всего, другую разновидность рукояток изготавливали ножовщики Хонслоу. Их кинжалы легко узнать по навершиям рукояток в виде головы льва. Приведем в качестве при-

мера меч из Тауэра, датируемый 1634 г., другое изделие имеет надпись «Меня изготовили в Хонслоу». К характерным особенностям относят использование медных головок, сильно выступающие вниз шейки над рукоятками отполированы, имеют бороздки. Такое сочетание медных головок с железными гардами необычно и связано с особой историей.

Рассказывают, что в тот период компании кожевников и кинжальных дел мастеров, озабоченные тем, что их привилегии ограничены небольшой территорией города, обыскивали места изготовления сабель и конфисковывали товары иностранного производства. Они руководствовались Статутом 1563 г.

Однако им пришлось не только соревноваться с иностранцами, но и представить новую методику изготовления, начать украшать рукоятки и аксессуары бронзой. Фактически гильдия кожевников 12 января 1633 г. смогла получить Королевскую прокламацию от Карла I, в которой запрещалось производство поясных подвесок для кинжалов и бронзовых пряжек, на основании того, что «бронзовые пряжки слишком ломкие и не такие удобные, как железные».

Настоящая причина опасений мастеров заключалась, как они сами признавались, в том, что те, «кто украшает медными пряжками, в один день делает их вдесятеро больше, чем железных пряжек».

Закономерно, что в свою очередь гильдия ножовщиков решила, что они обладают похожими возможностями, и начала конфисковывать все разновидности эфесов и части изделий, изготовленные из бронзы. В мае 1650 г. суд присяжных подтвердил их позицию, обнаружив распоряжение, что «все эфесы и рукоятки, выделанные в бронзе или сплавах из этого металла, для мечей, рапир, кинжалов, кортиков и скейнов непрактичны, неудобны и их изготовление противозаконно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.